

УДК. 330.59

DOI 10.18413/2411-3808-2019-46-3-391-407

**РОЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПРОБЛЕМАТИКЕ БЕДНОСТИ
СРЕДИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ,
ВОЛОГОДСКОЙ И ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ**

**ROLE OF THE GEOGRAPHIC FACTOR OF POVERTY PROBLEM AMONG
THE RURAL POPULATION ON THE EXAMPLE OF BELGOROD, VOLOGDA
AND TVER REGIONS**

**В.Е. Домбровская
V.E. Dombrovskaja**

Тверской государственный университет,
Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33

Tver State University, 33 Zhelyabova St, Tver, 170100, Russia

E-mail: Dombrovskaya.VE@tversu.ru

Аннотация

Работа посвящена проблеме бедности в актуальном аспекте регионального анализа. Предпринята попытка согласования причиннообразующих факторов данного явления и двух выделяемых её видов – бедности «слабых» и бедности «сильных». Подробно рассмотрены некоторые демографические и экономические показатели последних лет, касающиеся сельского населения России. Обращено особое внимание на структуру расходов домохозяйств на продукты питания. Дано сравнение участия продуктов из личного подсобного хозяйства в общих издержках на питание у городского и сельского населения. В статье также поднимается проблематика малочисленных сельских поселений. Исследована ситуация на примере трёх административных образований РФ – Белгородской, Вологодской и Тверской областей. Проанализированы данные по количеству сельских поселений с численностью менее 100 человек и общего количества населения, проживающего в подобных населённых пунктах. С помощью статистического анализа доказано, что различия в долях такого населения по изучаемым областям существенны, но применяемый критерий оценки иллюстрирует большее сходство между Тверской и Вологодской областями. Белгородская же область выбивается из общего ряда. Выдвинутая гипотеза о том, что в основе различий лежит географический фактор, то есть доля малочисленных населённых пунктов будет меняться в зависимости от местоположения региона, была проверена с помощью сопоставления общей и межгрупповой дисперсий рядов данных. Определено незначительное влияние географического фактора по сравнению с прочими. Отмечена роль областных союзов потребительских обществ вышеуказанных областей в снабжении основными продуктами питания и товарами первой необходимости удалённых и малонаселённых пунктов проживания сельских жителей, характеризующихся таким критерием бедности, как социальная изоляция.

Abstract

The present work is devoted to the problem of poverty with focus on regional analysis. An attempt was made to reconcile the key factors of this phenomenon and its two specified types – the poverty of the “weak” and the poverty of the “strong”. Some demographic and economic indicators referring to the rural population of Russia are considered in detail. Particular attention is paid to the households spending pattern with regard to alimentary products. A comparison is provided in relation to portion of products from private subsidiary farming in the total spending on food in urban and rural settings. A problem of small rural settlements is considered. The situation is examined on the example of three administrative units of the Russian Federation: Belgorod, Vologda and Tver regions. Data analysis has been made in regard to number of rural settlements with less than 100 inhabitants and total number of people inhabiting such settlements. Statistical analysis let prove that proportion difference of such population in the target regions is not considerable, with that the applied criterion of merit shows greater similarity between the Tver and Vologda regions. The Belgorod region stands out of the line. The proposed

hypothesis for the difference based on geographical factor, i.e. number of small settlements shall vary depending on the location of a region, was tested by comparison of the total and between-group variance of dataset. A proof has been provided that the geographical factor has an insignificant impact in comparison with other factors. It has been emphasized that the regional unions of consumer societies in the mentioned regions play an important part in supplying with foodstuff and basic goods the remote and sparsely populated rural settlements typified by social isolation as one of the poverty factors.

Ключевые слова: бедность, факторы бедности, показатели бедности, сельское население, малонаселённые пункты, уровень жизни.

Keywords: Poverty, factors of poverty, poverty rates, rural population, small rural settlements, standard of living.

Введение

Вопросы бедности в той или иной степени касаются любого общества, государства и уровня развития экономики. По итогам проведённого в 2014 году силами международного исследовательского центра Гэллага глобального опроса бедность заняла устойчивое третье место в списке мировых проблем [Леконцев, 2016]. В Российской Федерации при выраженной нестабильности социально-экономического развития многих регионов рассмотрение причин, критериев и градаций бедности населения, а также решение вопросов, касающихся данного негативного явления, приобретают особую актуальность. Так, утверждённая Правительством РФ 13 февраля 2019 года «Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» одной из своих целей ставит «сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни людей» [Правительство Российской Федерации. Распоряжение...], что не может не быть связано с региональной оценкой бедности. В настоящее время узкие подходы (абсолютные и монетарные, основанные на размере текущего дохода и сопоставлении его с величиной прожиточного минимума) теряют своё исключительное значение. По мнению ряда ученых (П. Таунсенд, А. Сен), бедность – понятие сложное и многогранное, проявляющееся, в том числе, и в депривации в потреблении, и в отсутствии возможности функционирования в данном конкретном обществе. В связи с этим для сопоставления ситуаций, проявляющихся в регионах (странах), применяется Индекс многомерной бедности (ИМБ), определяющий степень депривации по трём направлениям: образование, здоровье и условия жизни, внутри которых выделяются по десять индикаторов, имеющих равные веса. Депривация более чем по 50 % индикаторов классифицируется как крайняя бедность. Бедным считается домохозяйство, если оно депривировано по трети индикаторов или более. Депривированные по 20 % индикаторов считаются имеющими риск бедности [Малева и др., 2019].

В научном рассмотрении причин явления также наблюдается развитие. Лидирующие позиции занимает многофакторный анализ, который не ограничивается исключительно уровнем развития производства и занятости населения, а затрагивает и психологический, и геокультурный, и социально-демографический, и географический аспекты.

Данная работа посвящена изучению подходов к выделению факторов и видов бедности населения. Особое внимание уделяется роли географического фактора. В качестве приоритетной рассматривается проблематика бедности жителей села. Исследуется ряд характеристик сельского населения России. Проводится выборочное сопоставление субъектов РФ, относящихся к трём разным макрорегионам, по критериям, способствующим росту вероятности попадания населения в группу риска (например, проживание в малонаселённых пунктах сельской местности). С помощью статистических критериев оценивается влияние географического фактора на современную демографическую ситуацию сельского населения в Белгородской, Вологодской и Тверской областях, взятых в качестве анализируемых.

Основные результаты исследования

В современных научных исследованиях движущим силам появления и развития бедности посвящено множество работ. В них к наиболее типичным факторам, обуславливающим риски оказаться в той или иной группе бедных, относят как объективные (например, потерю здоровья, низкий уровень квалификации, вытеснение с рынка труда, низкий уровень среднедушевых реальных доходов и материальной обеспеченности, высокую семейную «нагрузку» – многодетные, неполные семьи и др.), так и субъективные, индивидуальные особенности людей, связанные с образом жизни, ценностными ориентациями (нежелание трудиться, наличие вредных привычек и т. п.). Не столь распространённым, но объяснимым и логичным является выделение географического фактора, в основе которого лежат природные, ресурсно-экономические, геоэкономические, геокультурные, социокультурные и демографические аспекты, а также их следствия: миграции, социально- и этнополитические ситуации, инвестиционный климат и социально-экономическая динамика территории в целом [Черкашина, 2003]. Влияние факторов и их сочетаний играет разную роль в зависимости от индивида, состояния общества и экономики в целом. Интересным является подход выделения «бедности слабых» и «бедности сильных» [Гордон, 1994]. Бедность «слабых» можно назвать социальной бедностью, наличие которой обусловлено социально-демографическими характеристиками некоторой части населения – больных, инвалидов, физически и психологически неустойчивых граждан, а также работников, вынужденных нести непомерно большую нагрузку (например, кормильцы многодетных семей). Из этого объяснения понятно, что проявления «бедности слабых» неизбежны в любом обществе. Бедность «сильных» может рассматриваться как экономическая бедность, возникающая в особых условиях, при которых полноценные работники, способные и желающие получать доход «нормального» жизненного стандарта, не могут своим трудом обеспечить принятый в данное время и в данном обществе уровень благосостояния. Это может быть вызвано, например, спадом производства или банкротством компаний в период экономического кризиса. Следует заметить, что именно географический фактор в периоды ухудшения экономической ситуации в стране (а тем более серьезного кризиса в экономике) начинает играть ключевую роль. Прекращение деятельности компаний и закрытие их филиалов, «оптимизация» розничной сети крупных ритейлеров, банкротство частных предпринимателей приводит к потере рабочих мест и ухудшению на рынке труда по региону в целом. Не говоря уже о сопутствующем росте цен на продукты питания и продукты первой необходимости, в стоимость которых заложены в том числе и расходы на доставку до конечного потребителя. Жители периферийных территорий в первую очередь подвержены влиянию всех негативных последствий экономического спада.

Согласование традиционно выделяемых факторов бедности, а также географического фактора с рассмотренными выше бедностью «слабых» и «сильных» позволило получить следующую схему (рис. 1).

Как уже было сказано, влияние перечисленных выше факторов не приводит к равнозначному и предсказуемому результату. Бедность населения в своём выражении и измерении может включать ряд градаций. Зачастую современные авторы не решаются использовать понятие «нищета», называя всех бедными и не выделяя тех, кто не имеет достаточных средств даже для выживания [Тукумцев Б.Г., 2008]. В России 90-х отчетливо выявлялись три степени абсолютной бедности: нищета, наиболее глубокая острая бедность; нужда, средняя бедность; необеспеченность, или недостаточная обеспеченность, умеренная бедность [Гордон, 1994]. Определение данных градаций осуществлялось посредством величины прожиточного минимума и его способности обеспечить человеческие потребности. Так население, величины доходов которого не хватало на самый простой набор продуктов питания, относилось к категории крайней нищеты. На среднем уровне бедности находилась та группа граждан, которой было достаточно средств на удовлетворение простейших физиологических потребностей, но даже самые элементарные социальные нужды оказывались недостижимыми. И, наконец, переходом от бедности к «не бедности» рассматривался уровень жизни, при котором обеспечен прожиточный минимум, но нет недостатка. То есть люди относительно нормально питаются

(хотя их рацион не может похвастаться сбалансированностью), обновляют одежду, не отказывают себе в лечении и отдыхе, но все эти позиции не соответствуют по уровню и формам образцам, считающимся в рамках данной культуры достойными [Гордон, 1994].

Рис. 1. Причинообразующие факторы бедности

Fig 1. Causing poverty factors

В настоящее время подобное расслоение российского общества в научных работах, посвященных теории бедности, как правило, не встречается. Возможно, это вызвано расплывчатостью и нечёткостью цифровых границ категорий. Однако считать выделение таких групп не актуальным в данной экономической ситуации, побеждённым пережитком прошлых лет явно преждевременно. К тому же, как было указано, монетарный подход к оценке бедности, осуществляемый только с использованием показателя дохода, является слишком узким. В «Обзоре международной практики», опубликованном Межгосударственным статистическим комитетом СНГ, указывается, что решение задач по сокращению масштабов бедности неразрывно связано с наличием оплачиваемой работы, доступностью услуг образования, здравоохранения, обеспечением социальной защиты, жилищными условиями и безопасной средой обитания [Обзор международной..., 2017]. Таким образом, именно совокупность всех этих условий, их достойный уровень должны стать объектом пристального внимания при анализе проблематики бедности в регионах.

Убедительным примером сохранения остроты проблемы во всех многомерных проявлениях является сельская глубинка, деревни с малым количеством жителей в подавляющем большинстве пенсионного возраста с низким уровнем дохода, вынужденных существовать вне качественного медицинского обслуживания (что связано как с особенностями сельской местности в России, так и с организацией медицинской помощи ее жителям) и продуктового снабжения [Еругина и др., 2016; Пастухова, Морозова 2017]. Вряд ли такой уровень жизни может рассматриваться даже как средний.

Вопросы бедности сельского населения России не являются эксклюзивными в мировом масштабе. С подобным явлением сталкивается, например, и экономика Китая, где выделяются проблемные территории, называемые «нищими уездами». Это отдаленные районы, расположенные в горной местности, с плохим состоянием инфраструктуры, отсутствием крупных и средних

городов, низким уровнем доходов местных жителей. Причинами возникновения «нищих уездов» китайские экономисты называют природно-климатические характеристики, а именно: горный рельеф, сейсмоопасные зоны, тяжелые климатические условия, и, как следствие, неразвитость транспортной инфраструктуры, отсутствие крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий [Плесский, 2015]. Таким образом, китайский пример демонстрирует географическую предпосылку формирования малообеспеченных регионов.

Проанализируем положение сельского населения, сложившееся в России на настоящий момент времени. Известно, что критерием отнесения к группе городских или сельских жителей в России служит постоянное проживание в городских или сельских населённых пунктах. К сельским относятся населённые пункты, не утверждённые законодательными актами в качестве городов и посёлков городского типа [Число сельских населённых...]. По последним официальным статистическим данным на 2019 год абсолютный количественный показатель сельских жителей составил 37,3 млн человек (25,41 % от всей численности населения страны) [Демография. Распределение населения...]. Динамика показателя внутри временного ряда 2011–2018гг. может быть проиллюстрирована с помощью темпа прироста, рассчитанного по цепному типу, то есть показывающего, на сколько процентов каждый последующий уровень больше или меньше предыдущего (рис. 2).

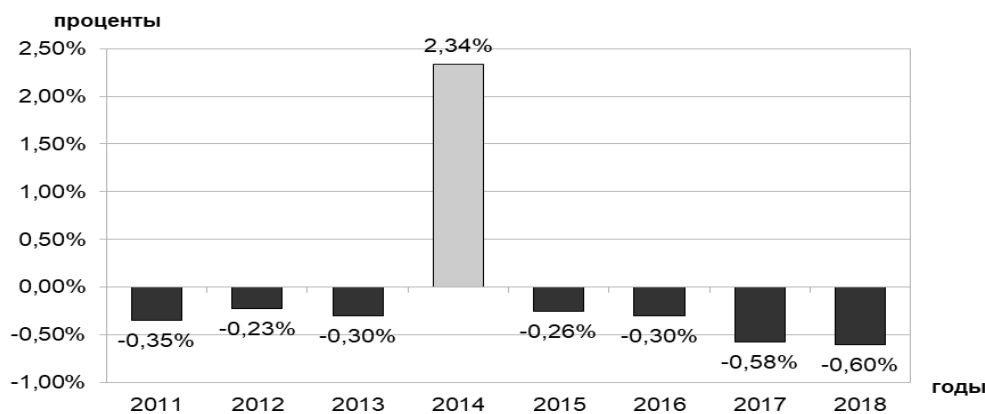

Рис. 2. Темп прироста численности сельского населения РФ за период с 2011 по 2018 гг.

Fig. 2. The growth rate of the rural population of the Russian Federation for the period from 2011 to 2018

Как видно из диаграммы (см. рис. 2), данный статистический показатель на протяжении всего временного ряда за исключением 2014 года имеет отрицательные значения, что говорит об убыли числа сельских жителей. Рост, наблюдаемый по данным на 2014 год, может быть объяснён вхождением в состав РФ Республики Крым, что привело к временному увеличению количества сельского населения РФ, а затем вновь последовал спад. Однако при сопоставлении двух абсолютных значений: за 2011 год, базисный показатель, (37,772 млн чел.), и за 2019 год, текущий показатель (37,3 млн чел.) – получаем величину снижения за весь рассматриваемый период – 1,25 %, которую можно признать несущественной. Но нужно учитывать, что официальная статистика фиксирует зарегистрированных по месту проживания, а не реально проживающих. И часть этих официально зарегистрированных в трудоспособном возрасте лиц на самом деле работают как вахтовым методом, так и вообще покидают на длительный срок сельские поселения с целью заработка, но формально продолжают числиться как сельские жители. То есть реальная картина вероятно отличается в худшую сторону. Налицо рост урбанизации России (городское население по количественным показателям 2019 года фактически в 3 раза превосходит сельское), что увеличивает относительные риски по бедности жителей сел [Демография. Численность и состав...]. Результаты научного исследования, проведённого Высшей Школой Экономики, показывают, что жители городов-миллионников подвержены

рискам бедности в 2,6 раза реже, чем в среднем по населению, а лица небольших сельских населённых пунктов (с численностью менее 200 человек) испытывают в 3,3 раза более высокие риски [Овчарова и др., 2014]. Таким образом, изучение и анализ динамики показателей, отражающих современное состояние именно сельского населения страны, становится особенно актуальным при решении и общегосударственных, и региональных проблем бедности. Нужно отметить, что одной из важных характеристик, определяющих величину общего индикатора AROPE, характеризующего риск бедности или социальной изоляции по европейской методике межстрановых сравнений, является тип поселения. Различие между домохозяйствами, живущими в городах и в сельской местности, по общему индексу AROPE чрезвычайно ощутимо: 19 % и 44 % соответственно [Фролова, 2017].

Ещё одним негативным явлением, присущим сельским жителям, является снижение количества трудоспособного населения, что подтверждает информация Росстата о распределении населения по возрастным группам (табл. 1) [Демография. Распределение населения...]. Следует отметить, что данная официальная статистика не учитывает поэтапное повышение пенсионного возраста с 01.01.2019 года, согласно Федеральному закону от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ [О внесении изменений...].

Таблица 1

Table 1

Количественные показатели групп сельского населения по трудоспособности за 2010 и 2018 гг.

Quantitative indicators of rural population groups for disability for 2010 and 2018

Выделяемые группы населения	Годы		2018, 2010 (+, -), %
	2010	2018	
Трудоспособное (мужчины в возрасте 16–59 лет, женщины – 16–54 года)	22218 тыс.	20149 тыс.	-9,31
Старше трудоспособного (мужчины в возрасте 60 лет и старше, женщины в возрасте 55 лет и старше)	8306 тыс.	9827 тыс.	+18,31

Очевиден факт уменьшения трудоспособного населения и рост нетрудоспособного. Это провоцируется также отсутствием на селе доступного и качественного образования, из-за чего молодёжь вынуждена уезжать для обучения в города, где чаще всего впоследствии и строит свою профессиональную карьеру.

Составной частью нетрудоспособного населения становятся как вышедшие на пенсию работники села, так и переехавшие из города в село пенсионеры. Принимая решение о миграции, они рассчитывают на то, что низкая плата за жилье, благодаря наличию существенных льгот на оплату ЖКХ, и личное подсобное хозяйство улучшат их материальное положение. Известно, что затраты на продовольственные товары в бюджете домохозяйств играют ключевую роль, причем в бедных странах этот уровень составляет 50 или даже более процентов [Нестерова, 2018]. Опросы показывают, что в посткризисные периоды на возможности подсобного хозяйства рассчитывают 57 % селян [Мареева, 2017]. Относительно замедленный ритм жизни у людей пенсионного возраста на селе предполагает меньшую подверженность изменениям потребительского поведения. [Дементьева, 2018]. Таким образом, миграции (рурализации) неработающих граждан и пенсионеров, сезонные и постоянные, могут рассматриваться ими как экономически целесообразные.

Структура расходов на конечное потребление домохозяйств включает в себя множество позиций, среди которых традиционно выделяются расходы на домашнее питание. В таблице (табл. 2) представлены данные по этому показателю по годам и типам населённых пунктов.

Таблица 2
Table 2

Расходы домохозяйств на домашнее питание (в процентах от общих расходов на конечное потребление)

Household spending on home food (as a percentage of total final consumption expenditure)

Типы населённых пунктов	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Городские	29,8	29,4	28,2	27,6	28,4	31,8	32,1	31,2
Сельские	43,0	42,6	39,7	40,1	40,3	43,5	43,7	41,6

Очевидно, что доля расходов на домашнее питание в сельской местности заметно выше, но согласно методике Росстата, расходы на домашнее питание состоят непосредственно из денежных расходов и стоимости натуральных поступлений продуктов питания, которые в свою очередь состоят из поступлений из личных подсобных хозяйств (ЛПХ), полученных подарков и других поступлений. Как следует из таблицы (табл. 3), на протяжении 2010–2017 гг. наблюдается устойчивое и многократное преобладание продуктов питания из ЛПХ в сельской местности по сравнению с городской [Доходы, расходы ...].

Таблица 3
Table 3

Поступления из личного подсобного хозяйства

(в процентах от общих расходов на конечное потребление)

Income from private allotments (as a percentage of total final consumption expenditures)

Типы населённых пунктов	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Городские	1,6	1,5	1,3	1,2	1,2	1,4	1,4	1,3
Сельские	10,1	9,4	8,4	8,1	7,7	8,0	7,7	7,3

Соотношение стоимости продуктов питания из личного подсобного хозяйства к денежным расходам на домашнее питание в разрезе города и села представлено на диаграмме (рис. 3).

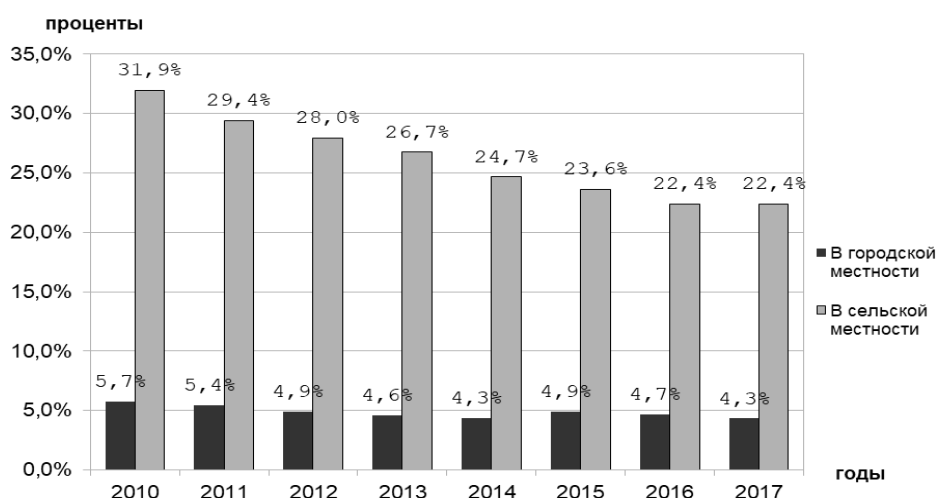

Рис. 3. Доля участия поступлений от ЛПХ в общих расходах на домашнее питание
Fig 3. The participation of private allotments in total expenditures on home food

Таким образом, можно утверждать, что несмотря на более высокие показатели доли расходов на домашнее питание в сельской местности (что может быть вызвано в том числе более высокими ценами из-за отсутствия реальной конкуренции на рынке), поступления от ЛПХ действительно способны сгладить ситуацию. Возможное изменение законодательства, вводящее налог на ЛПХ, скорее всего усилит миграцию из деревень, а критерий людности во многом определяет перспективность дальнейшего развития, а зачастую и существования сельского населённого пункта.

Исследуя ряд показателей, характеризующих положение села и выявляющих проблемы бедности в этих типах поселений, представляется интересным выборочное сравнение разных по географическому положению субъектов РФ и выявление роли географического фактора в изучаемой проблематике. В упоминаемой в данной работе «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» территория страны условно разбита на 12 макро-регионов, основными принципами выделения которых являются соседское положение субъектов РФ, схожие природно-климатические и социально-экономические условия для жизни и экономической деятельности. В качестве примера рассмотрим три области, входящие в разные макрорегионы: Тверскую (Центральный макрорегион), Вологодскую (Северо-Западный) и Белгородскую (Южный макрорегион), обозначенные на карте (рис. 4).

Рис. 4. Местоположение Белгородской, Вологодской и Тверской областей в макрорегиональной структуре РФ

Fig 4. Location of the Belgorod, Vologda and Tver regions in the macro-regional structure of the Russian Federation

Все они расположены в Европейской части России. Самой крупной по площади является Вологодская область (144527 кв. км), следом идёт Тверская (84201 кв. км) и областью с наименьшим из этих трёх показателей по площади является Белгородская (27134 кв. км) [Сведения о наличии...]. По оценке валового регионального продукта (в млрд. руб.) по состоянию на 2017

год области ситуация выглядит следующим образом: Белгородская – 785,6, Вологодская – 508,3, Тверская – 384,0 [Валовой региональный...]. Тверская и Вологодская области специализируются в основном на промышленном производстве, Белгородская же, благодаря благоприятным природно-климатическим условиям, выделяется развитым сельским хозяйством. Доля агропромышленного сектора в ВРП области составила 31 % [Департамент агропромышленного...]. Политика региона, направленная на развитие аграрного хозяйства, подразумевает повышенное внимание к сельским территориям, не допускающее отток жителей села. Данную ситуацию хорошо иллюстрирует таблица (табл. 4), посвященная сравнению количественных показателей «заброшенных» деревень [Всероссийская перепись...].

Таблица 4
Table 4

Доля «заброшенных» населённых пунктов по областям
The participation of "abandoned" settlements by region

Область	Сельские населённые пункты		Доля пунктов без населения, %
	Всего	Без населения	
Белгородская	1574	69	4,38
Вологодская	8006	2131	26,62
Тверская	9532	2230	23,39

Как видно из таблицы (см. табл. 4), именно Белгородская область демонстрирует существенный, почти шестикратный, разрыв по исследуемому параметру. Также отличается общая картина вариативных рядов, характеризующих проблему малонаселённых (до 100 жителей) сельских поселений (табл. 5). Установление верхней границы в 100 человек объясняется тем, что именно на неё ориентируется Стратегия развития при установлении стационарных (для населённых пунктов с числом более 100 проживающих), либо передвижных, мобильных (менее 100 жителей) врачебных амбулаторий, фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, а также форм в сфере культуры и социального обслуживания.

Таблица 5
Table 5

Группировка сельских населённых пунктов по численности населения по трём субъектам Российской Федерации
Grouping of rural settlements by population in three constituent entities of the Russian Federation

	Всего по областям	С числом жителей				
		менее 6	6–10	11–25	26–50	51–100
Белгородская область						
Число сельских населенных пунктов	1574	75	55	135	177	203
Численность сельского населения (чел.)	519594	216	444	2294	6545	14896
Вологодская область						
Число сельских населенных пунктов	8006	2160	1068	1138	546	369
Численность сельского населения (чел.)	352591	5934	8273	18876	19372	26412
Тверская область						
Число сельских населенных пунктов	9532	2359	1308	1620	758	516
Численность сельского населения (чел.)	341986	6625	10213	26828	27234	36088

Расположенная ниже диаграмма иллюстрирует представленную информацию (рис. 5).

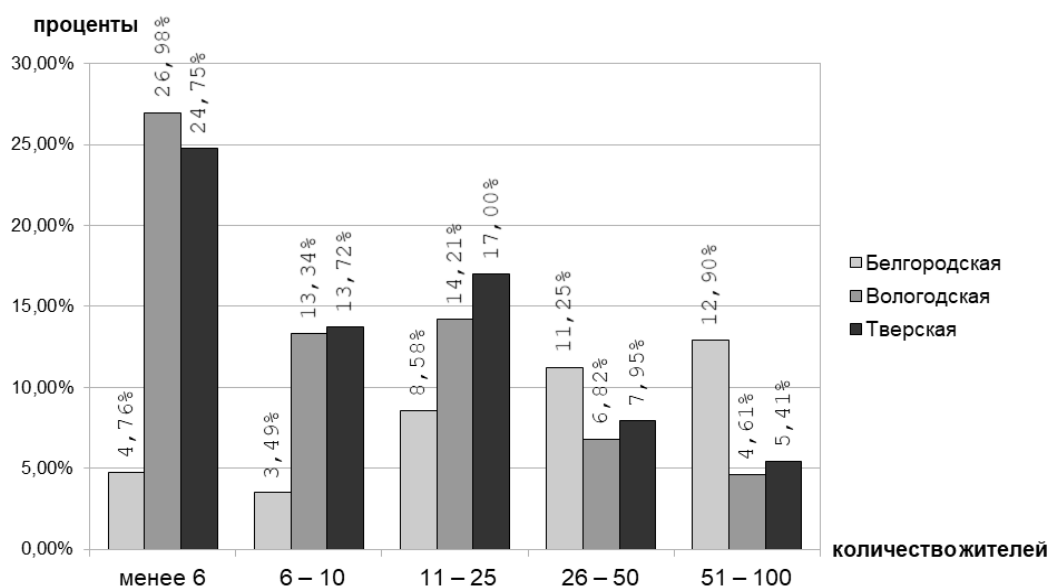

Рис. 5. Доли малонаселенных пунктов в общем количестве сельских поселений (по областям)

Fig. 5. The participation of sparsely populated areas in the total number of rural settlements (by regions)

Очевидно, что с ростом количества жителей в населённых пунктах показатели Белгородской области повышаются. Для Тверской и Вологодской областей ситуация противоположная. Из всех предложенных групп, включая и населённые пункты с высокими показателями количества населения (101–200, 201–500, 501–1000, 1001–2000, 20001–3000, 3001–5000) максимальная доля здесь у самой малочисленной группы до 6 человек – 24,75 % в Тверской и 26,98 % в Вологодской. В Белгородской же области максимум приходится на группу с границами от 201 до 500 человек – 19,76 %.

Влияние географического фактора на складывающуюся демографическую картину по предложенным областям может быть оценено с помощью многофункционального критерия ϕ^* Фишера (углового преобразования Фишера). Выбор в пользу данного статистического критерия обусловлен тем, что он относится к группе непараметрических, применяется для сопоставления двух выборок по частоте встречаемости исследуемого явления, то есть оценивает достоверность различий между процентными долями и не имеет ограничений в объёме взятых выборок. При проведении статистического анализа выбранный критерий был применён для оценки достоверности различий между процентными долями сельских населённых пунктов с градацией проживающего населения от одного до ста человек в попарно сравниваемых между собой областях. В первую исследуемую пару вошли Белгородская и Тверская области.

Для того чтобы максимально повысить мощность критерия Фишера, необходимо выбрать точку максимального расхождения между двумя выборками. В итоге расчётов получаем таблицу (табл. 6).

Максимальная выявленная разность между накопленными частотами составляет 0,39 (третья группа), таким образом, верхняя граница этой группы (25 человек) может служить пороговым значением для разделения выборок.

Полученное распределение показателей по областям представлено в таблице (табл. 7).

Сформулируем гипотезы:

H_0 : доля населённых пунктов с численностью жителей от 1 до 25 человек не имеет существенных отличий в двух представленных областях.

H_1 : доля населённых пунктов с численностью жителей от 1 до 25 человек по двум представленным областям существенно отличается.

Определяем φ_1 и φ_2 по таблице величин угла φ (в радианах) для разных процентных долей:

$$\varphi_1 (80,6 \%) = 2,229$$

$$\varphi_2 (41,1 \%) = 1,390$$

Эмпирическая величина φ^* рассчитывается по формуле

$$\varphi^* = \sqrt{((n_1 \times n_2)/(n_1 + n_2))},$$

где φ_1 – угол, соответствующий большей процентной доле;
 φ_2 – угол, соответствующий меньшей процентной доле;
 n_1 – количество наблюдений в выборке 1;
 n_2 – количество наблюдений в выборке 2.

В исследуемом случае $\varphi^* = 20,284$. При сопоставлении с критическими значениями можно сделать вывод, что полученный эмпирический критерий находится в зоне значимости, таким образом H_0 отвергается и подтверждается H_1 . Иными словами, статистически доказано, что различия в долях сельских населённых пунктов с малой численностью жителей (от 1 до 25 человек) в Белгородской и Тверской областях существенны.

Таблица 6
Table 6

Расчет максимальной разности накопленных частотей в распределениях сельских населённых пунктов с малой численностью жителей
 Calculation of the maximum difference in the accumulated frequencies in the distributions of rural settlements with a small number of inhabitants

Количество жителей в поселении (интервалы)	Эмпирические частоты (количество населённых пунктов с числом жителей из соответствующих групп)		Эмпирические частоты		Накопленные эмпирические частоты		Разность накопленных частотей по областям
	Белгородская	Тверская					
1–5	75	2359	0,12	0,36	0,12	0,36	0,24
6–10	55	1308	0,09	0,2	0,21	0,56	0,35
11–25	135	1620	0,21	0,25	0,42	0,81	0,39
26–50	177	758	0,27	0,12	0,69	0,93	0,24
51–100	203	516	0,31	0,07	1,00	1,00	0,00

Таблица 7
Table 7

Распределение количества населённых пунктов с малым числом жителей с указанием соответствующих долей
 Distribution of the number of settlements with a small number of inhabitants, indicating the corresponding participations

Количество жителей (интервалы)	Белгородская область	Тверская область	Итого
1–25	265 (41,1 %)	5287 (80,6 %)	5552
26–100	380 (58,9 %)	1274 (19,4 %)	1624
Итого	645 (100 %)	6561 (100 %)	7206

Немаловажным является тот факт, что подобное сопоставление этих же показателей в Тверской и Вологодской областях даёт несколько иную картину: рассчитанный эмпирический критерий Фишера φ^* на порядок меньше и равен 2,975. И хотя он тоже лежит в зоне значимости,

чем опровергает гипотезу о несущественности расхождений между областями, всё же его расположение, близкое к критическому значению, равному 2,31, иллюстрирует большее сходство Тверской и Вологодской, нежели Тверской и Белгородской областей по изучаемым позициям.

Статистически подтверждённые различия между областями ставят задачу выявления причин расхождения. Они могут содержаться в большом количестве факторов и их сочетаний, для оценки влияния которых допустимо воспользоваться разложением дисперсии исследуемых данных на составляющие: межгрупповую и внутригрупповую дисперсии. Межгрупповая дисперсия характеризует вариацию, обусловленную влиянием фактора, положенного в основу группировки. Вариацию, обусловленную влиянием прочих факторов, характеризует в каждой группе внутригрупповая дисперсия. Положим в основу группировки географический фактор, то есть выскажем предположение, что различие в количестве указанных населённых пунктов объясняется местоположением сравниваемых областей. Результат предварительной обработки данных, необходимых для применения данной методики, отображен в таблице 8.

Таблица 8

Table 8

Группировка малонаселённых сельских пунктов в Тверской и Белгородской областях по информации переписи населения 2010 года
Grouping of sparsely populated rural areas in the Tver and Belgorod regions according to the 2010 census

Области	Количество сельских населённых пунктов с численностью до 100 человек	Среднее количество проживающих в указанных населённых пунктах	Дисперсия ряда проживающих
Белгородская	645	38,99	744,52
Тверская	6561	17,45	406,77

Межгрупповая дисперсия составила 24,72, внутригрупповая – 413,03. Общая дисперсия, равная сумме межгрупповой и внутригрупповой дисперсий (437,75), обусловлена влиянием всех факторов, а вот фактор, положенный в основу группировки, – географический – влияет на 7,97 % ($(24,72/437,75) \times 100$ %). Отсюда можно сделать вывод, что в данном случае только на 7,97 % вариация частоты сельских малонаселённых пунктов в указанных областях связана с географическим местоположением региона, а более чем на 92 % влияние оказывают прочие факторы. Подобное же сопоставление Тверской и Вологодской областей даёт ещё меньшее влияние выбранного фактора – 0,14 %, что может быть объяснено очевидным сходством этих территорий, о чем говорилось и ранее.

Однако доказанная незначительная роль географического среди совокупности факторов, влияющих на количественные показатели малонаселённых пунктов, не снимают проблему повышения качества жизни в данных поселениях. Так, например, при исследованиях российской «глубинки» особенно остро встаёт проблема в том числе снабжения населения, оказавшегося в ситуации социальной изоляции, как продуктами питания, так и непродовольственными товарами первой необходимости. Положительным является факт того, что региональная торговля не оставляет этот вопрос без внимания. Так, Тверской областной союз потребительских обществ заявляет [Тверской областной...], что из 495 магазинов потребительской кооперации 40 % процентов расположены как раз в населённых пунктах с числом жителей от 10 до 100 человек. Это примерно 200 магазинов. Ещё 13 из 33 районов области обслуживаются автомагазинами. Вологодский областной союз потребительских обществ сообщает [Вологодский областной...] о 506 розничных торговых предприятиях в сельской местности и о полутора тысячах труднодоступных малонаселённых пунктах, которые он обслуживает. Речь в последнем случае идет о выездной торговле. Белгородский областной союз потребительских обществ информировал о торговой сети потребительской кооперации, которая представлена 352 магазинами, из которых 294 расположены в сельской местности [Белгородский областной...]. Кроме того, организована работа 18 автомагазинов, которые обслуживают 264 поселения.

Необходимо отметить и такой важный момент, как сезонная закупка потребкооперацией у населения сельскохозяйственной продукции и сырья (в т. ч. дикорастущих плодов, ягод и грибов), доля которой в структуре оборота деятельности структуры занимает более 10 % [Бусыгин, 2017]. Однако из этого процесса исключены в силу естественных причин сельские пенсионеры пожилого возраста и маломобильные жители.

Заключение

Проблема бедности, актуальная для всего мира и Российской Федерации в том числе, особенно остро стоит именно перед сельским населением, находящимся в зоне риска. Факторами в данном случае служат недостаток рабочих мест на производстве, низкий уровень развития инфраструктуры, отсутствие доступа к профильному образованию и повышению квалификации, большой процент асоциальных элементов. Безработица зачастую усугубляется плохими климатическими условиями для развития сельского хозяйства в малом бизнесе (фермерские хозяйства). Всё вышеперечисленное приводит к внутренним миграциям трудоспособного населения и сокращению численности до полной заброшенности ряда деревень. Существует мнение, что эта проблема усугубляется доступом в Интернет, что позволяет молодым людям видеть возможности лучшего будущего в другом месте [Wegren S.K.]. С помощью методов математической статистики в работе доказано, что географический фактор не является причиной для роста числа малонаселённых поселений в регионах, а это означает, что грамотно проводимые на местном уровне принятые Федеральные программы развития села способны существенно улучшить ситуацию. Известно, что имеют место два подхода к устойчивому развитию села: «сверху вниз» и «снизу вверх». Речь идёт о различных программах поддержки сельских районов. Подход «сверху вниз» подразумевает инициативу государственных органов, а подход «снизу вверх» предполагает активное участие местных властей в принятии решений, разработке и внедрении стратегии устойчивого развития [Lisova et al., 2016]. Наибольшую эффективность даст гармоничное сочетание двух этих вариантов.

Список литературы

1. Белгородский областной союз потребительских обществ. Веб-архив. URL: <http://web.archive.org/web/20161117065125/http://belops.ru/trade> (дата обращения: 01.08.2019).
2. Бусыгин А.Е. 2017. Потребительская кооперация как система в инфраструктуре развития села. Материалы международной научно-практической конференции «Российское село и кооперация: сегодня и завтра». М., «Канцлер», 416.
3. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-17.xlsx (дата обращения: 01.08.2019).
4. Вологодский областной союз потребительских обществ. URL: <http://vologdaops.ru/ops/activity.php> (дата обращения: 01.08.2019).
5. Всероссийская перепись населения. Том 1. Численность и размещение населения. Группировка сельских населенных пунктов по численности населения по субъектам Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-07.pdf (дата обращения: 31.07.2019).
6. Глаголев С.Н., Ваганова О.В. 2013. Конкретные детерминанты для структурирования экономики с учетом фактора интеграции. Всемирный журнал прикладных наук. 24 (10): 1322-1329.
7. Гордон Л.А. 1994. Четыре рода бедности в современной России. Социологический журнал. № 4: 1, 2, 5. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/102/104> (дата обращения: 20.06.2019).
8. Дементьева И.Н. 2018. Потребительское поведение населения региона и особенности его адаптации к экономическим условиям кризиса 2014–2015 гг. Вопросы территориального развития. № 3 (43): 8. DOI: 10.15838/tdi.2018.3.43.3. URL: <http://vtr.vscc.ac.ru/article/2683/full> (дата обращения: 04.07.2019).
9. Демография. Распределение населения по возрастным группам. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo14.xls (дата обращения: 31.07.2019).

10. Демография. Численность и состав населения. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls (дата обращения: 11.07.2019).
11. Демография. Численность населения. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls (дата обращения: 01.08.2019).
12. Департамент агропромышленного комплекса и воспроизводства окружающей среды Белгородской области. Информация об области. URL: <https://www.belaprk.ru/press-centr/informaciya-ob-oblasti/> (дата обращения: 01.08.2019).
13. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812 (дата обращения: 31.07.2019).
14. Еругина М.В., Кром И.Л., Ермолаева О.В., Ковалев Е.П., Бочкарева Г.Н. 2016. Современные проблемы организации медицинской помощи сельскому населению. Современные проблемы науки и образования. № 5: 2. URL: <https://www.science-education.ru/pdf/2016/5/25246.pdf> (дата обращения: 25.06.2019).
15. Леконцев И.П. 2016. Бедность в России: официальная статистика и результаты социологических опросов ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 2: 112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/bednost-v-rossii-ofitsialnaya-statistika-i-rezultaty-sotsiologicheskikh-oprosov-vtsiom> (дата обращения: 11.06.2019).
16. Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А. 2019. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 26–30.
17. Мареева С.В. 2017. Адаптация Россиян к последствиям экономического кризиса. Социологические исследования. № 11: 71. DOI: 10.7868/S0132162517110083. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_11/Mareeva.pdf (дата обращения: 11.07.2019).
18. Нестерова С.И. 2018. Исследование регионального уровня бедности в Российской Федерации. Вестник НГИЭИ. № 11 (90): 37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/issledovanie-regionalnogo-urovnya-bednosti-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 11.07.2019).
19. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий. Федеральный Закон № 350-ФЗ от 3 октября 2018 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810030028> (дата обращения: 01.08.2019).
20. Обзор международной практики методов оценки многомерной бедности. 2017. Статистический бюллетень № 1. Статкомитет СНГ. URL: http://www.cisstat.com/life_quality/04_method_lg.pdf (дата обращения: 01.08.2019).
21. Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Попова Д.О. 2014. Уровень и профиль бедности: от 1990-х годов до наших дней. М.: НИУ ВШЭ: 20. URL: https://www.hse.ru/data/2014/12/22/1103214109/mon_level_1.pdf (дата обращения: 25.06.2019).
22. Пастухова Е.Я., Морозова Е.А. 2017. Бедность как фактор риска для здоровья населения в регионах. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 3: 256. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11437> (дата обращения: 25.06.2019).
23. Плесский Н.С. 2015. Бедность в современном Китае: основные черты и региональные различия. Фундаментальные исследования. № 2 (Ч.20): 4445. URL: <https://www.fundamental-research.ru/pdf/2015/2-20/38090.pdf> (дата обращения: 25.06.2019).
24. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 31.07.2019).
25. Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации на 01.01.2018 (в разрезе субъектов Российской Федерации). Росреестр. URL: [https://rosreestr.ru/upload/Doc/18-upr/Сведения%20по%20ф.22%20за%202017%20год%20\(по%20субъектам%20РФ\)_на%20сайт.doc](https://rosreestr.ru/upload/Doc/18-upr/Сведения%20по%20ф.22%20за%202017%20год%20(по%20субъектам%20РФ)_на%20сайт.doc) (дата обращения: 01.08.2019).
26. Стратегический менеджмент: теория, методология, практика. 2013. С.Н. Глаголев, Ю.А. Дорошенко, П.П. Табурчак и др. Под ред. Ю.А. Дорошенко. Белгород: Изд-во БГТУ, 166 с.
27. Тверской областной союз потребительских обществ. URL: <http://tverops.ru/retail/> (дата обращения: 01.08.2019).

28. Тукумцев Б.Г. 2008. Бедность и нищета работников промышленного производства. Журнал исследований социальной политики. Т. 6. № 3: 326. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3622/3204> (дата обращения: 25.06.2019).

29. Фролова Е.Б. 2017. О совершенствовании методологических положений по расчетам индексов немонетарной бедности по итогам выборочных наблюдений по социально-демографическим проблемам. Доклад на заседание научно-методологического совета Федеральной службы государственной статистики: 58–59. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf (дата обращения: 11.07.2019).

30. Черкашина О.А. 2003. География бедности на юге России: факторы, особенности, приоритеты преодоления. Дис. ... канд. геогр. наук. Ростов-на-Дону, 22.

31. Число сельских населенных пунктов и поселков городского типа продолжает снижаться. Демоскоп Weekly. № 475-476. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/barom03.php> (дата обращения: 01.08.2019).

32. Lisova O., Erokhin V., Ivogla A. 2016. Challenges to Sustainable Rural Development in Russia: Social Issues and Regional Divergences. APSTRACT, vol. 10, iss. 1: 46. Available at: https://ageconsearch.umn.edu/record/244448/files/06_APSTRACT_2016_01_WEB.pdf (accessed: 21.07.2019).

33. Wegren S.K. The Quest for Rural Sustainability in Russia: 7. Doi:10.3390/su8070602. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/8/7/602/pdf> (accessed: 22.07.2019).

References

1. Belgorodskiy oblastnoy soyuz potrebitel'skikh obshchestv [Federal State Statistics Service.]. Available at: <http://web.archive.org/web/20161117065125/http://belops.ru/trade> (accessed 01.08. 2019).

2. Busygin A.E. 2017. [Potrebitel'skaya kooperatsiya kak sistema v infrastrukture razvitiya sela. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Rossiyskoe selo i kooperatsiya: segodnya i zavtra»]. М., «Kantsler», 416.

3. Valovoy regional'nyy produkt po sub"ektam Rossiyskoy Federatsii. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-17.xlsx]. Available at: (accessed 01.08.2019).

4. Vologodskiy oblastnoy soyuz potrebitel'skikh obshchestv [https://vologdaops.ru]. Available at: <http://vologdaops.ru/ops/activity.php> (accessed 01.08.2019).

5. Vserossiyskaya perepis' naseleniya. Tom 1. Chislennost' i razmeshchenie naseleniya. Gruppировка sel'skikh naselennykh punktov po chislennosti naseleniya po sub"ektam Rossiyskoy Federatsii. [Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-07.pdf (accessed 31.07.2019).

6. Glagolev S.N. Vaganova O.V. 2013. Specific Determinants for Structuring the Economy, Taking into Account the Factor of Integration. World Applied Sciences Journal. 24 (10): 1322–1329.

7. Gordon L.A. 1994. Chetyre roda bednosti v sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskii zhurnal. № 4: 1, 2, 5. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/102/104> (accessed 20.06.2019).

8. Dement'eva I.N. 2018. Potrebitel'skoe povedenie naseleniya regiona i osobennosti ego adaptatsii k ekonomicheskim usloviyam krizisa 2014–2015gg [Population and distribution]. Voprosy territorial'nogo razvitiya. № 3 (43): 8. DOI: 10.15838/tdi.2018.3.43.3. Available at: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2683/full> (accessed 04.07.2019).

9. Demografiya. Chislennost' i sostav naseleniya. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Goskomstat of Russia]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls (accessed 11.07.2019).

10. Demografiya. Chislennost' naseleniya. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [[Issues of territorial development]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls (accessed 01.08.2019).

11. Demografiya. Raspredelenie naseleniya po vozrastnym gruppam. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo14.xls (accessed 31.07.2019).

12. Departament agropromyshlennogo kompleksa i vosпроизводства okruzhayushchey sredy Belgorodskoy oblasti. Informatsiya ob oblasti [Federal State Statistics Service]. Available at: <https://www.belapk.ru/press-centr/informatsiya-ob-oblasti/> (accessed 01.08.2019).

13. Dokhody, raskhody i potreblenie domashnikh khozyaystv (po itogam vyborochnogo obsledovaniya byudzhetrov domashnikh khozyaystv). Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal State Statistics

Service]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812 (accessed: 31.07.2019).

14. Erugina M.V., Krom I.L., Ermolaeva O.V., Kovalev E.P., Bochkareva G.N. 2016. *Sovremennye problemy organizatsii meditsinskoy pomoshchi sel'skomu naseleniyu* [Информация об области]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. № 5: 2. Available at: <https://www.science-education.ru/pdf/2016/5/25246.pdf> (accessed: 25.07.2019).

15. Lekontsev I.P. 2016. *Bednost' v Rossii: ofitsial'naya statistika i rezul'taty sotsiologicheskikh oprosov VTsIOM Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change*. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. № 2: 112. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/bednost-v-rossii-ofitsialnaya-statistika-i-rezultaty-sotsiologicheskikh-oprosov-vtsiom> (accessed: 11.07.2019).

16. Maleva T.M., Grishina E.E., Tsatsura E.A. 2019. *Sotsial'naya politika v dolgosrochnoy perspektive: mnogomernaya bednost' i effektivnaya adresnost'* [M., Publishing House "Delo" RANEPa]. M., Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS, 26–30.

17. Mareeva S.V. 2017. *Adaptatsiya Rossiyan k posledstviyam ekonomicheskogo krizisa. Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 11: 71. DOI: 10.7868/S0132162517110083. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_11/Mareeva.pdf (accessed 11 July 2019).

18. Nesterova S.I. 2018. *Issledovanie regional'nogo urovnya bednosti v Rossiyskoy Federatsii*. *Vestnik NGIEI* [https://cyberleninka.ru/article/v/issledovanie-regionalnogo-urovnya-bednosti-v-rossiyskoy-federatsii]. № 11 (90): 37. Available at: (accessed: 11.07. 2019).

19. *O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam naznacheniya i vyplaty pensiy*. [Federal'nyy Zakon №350-FZ ot 3 oktyabrya 2018 goda]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810030028> (accessed: 01.08.2019).

20. *Obzor mezhdunarodnoy praktiki metodov otsenki mnogomernoy bednosti*. 2017. [Statisticheskii byulleten' № 1. Statkomitet SNG]. Available at: http://www.cisstat.com/life_quality/04_method_lg.pdf (accessed: 01.08.2019).

21. Ovcharova L.N., Biryukova S.S., Popova D.O. 2014. *Uroven' i profil' bednosti: ot 1990-kh godov do nashikh dney* [M.: NIU VShE]: 20. Available at: https://www.hse.ru/data/2014/12/22/1103214109/mon_level_1.pdf (accessed: 25.07.2019).

22. Pastukhova E.Ya., Morozova E.A. 2017. *Bednost' kak faktor riska dlya zdorov'ya naseleniya v regionakh* [Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy]. №3: 256. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11437> (accessed: 25.06.2019).

23. Plesskiy N.S. 2015. *Bednost' v sovremennom Kitae: osnovnye cherty i regional'nye razlichiya* [Fundamental'nye issledovaniya]. № 2 (Ch.20): 4445. Available at: <https://www.fundamental-research.ru/pdf/2015/2-20/38090.pdf> (accessed: 25.06.2019).

24. *Pravitel'stvo Rossiyskoy Federatsii. Rasporyazhenie ot 13 fevralya 2019 g. № 207-r* [Rasporyazhenie]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JJa7irNxc.pdf> (accessed: 31.07.2019).

25. *Svedeniya o nalichii i raspredelenii zemel' v Rossiyskoy Federatsii na 01.01.2018 (v razreze sub"ektov Rossiyskoy Federatsii)*. [Rosreestr - state registration service]. Available at: [https://rosreestr.ru/upload/Doc/18-upr/Svedeniya_%20po_%20ф.22_%20за_%202017_%20год_%20\(по_%20субъектам_%20РФ\)_на_%20сайт.doc](https://rosreestr.ru/upload/Doc/18-upr/Svedeniya_%20po_%20ф.22_%20за_%202017_%20год_%20(по_%20субъектам_%20РФ)_на_%20сайт.doc) (accessed: 01.08. 2019).

26. *Strategic management: theory, methodology, practice*. 2013. S.N. Glagolev, Yu.A. Doroshenko, P.P. Taburchak et al. Ed. Yu. A. Doroshenko. Belgorod: Publishing House of BSTU, 166 p. (in Russian)

27. *Tverskoy oblastnoy soyuz potrebitel'skikh obshchestv* [Journal of Social Policy Studies.]. Available at: <http://tverops.ru/retail/> (accessed: 01.08.2019).

28. Tukumtsev B.G. 2008. *Bednost' i nishcheta rabotnikov promyshlennogo proizvodstva* [All news]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. T. 6. № 3: 326. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3622/3204> (accessed: 25.06.2019).

29. Frolova E.B. 2017. *O sovershenstvovanii metodologicheskikh polozheniy po raschetam indeksov nemonetarnoy bednosti po itogam vyborochnykh nablyudeniy po sotsial'no-demograficheskim problemam* [Federal State Statistics Service]. *Doklad na zasedanie nauchno-metodologicheskogo soveta Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki*: 58–59. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf (accessed: 11.07.2019).

30. Cherkashina O.A. 2003. *Geografiya bednosti na yuge Rossii: faktory, osobennosti, priorityety preodoleniya* [Federal State Statistics Service.]. *Dis. ... cand. geogr. sciences*. Rostov-na-Donu, 22.

31. Chislo sel'skikh naseleennykh punktov i poselkov gorodskogo tipa prodolzhaet snizhat'sya [vologdaops.ru]. Demoskop Weekly. № 475-476. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/barom03.php> (accessed: 01.08.2019).

32. Lisova O., Erokhin V., Ivogla A. 2016. Challenges to Sustainable Rural Development in Russia: Social Issues and Regional Divergences. APSTRACT, vol. 10, iss. 1: 46. Available at: https://ageconsearch.umn.edu/record/244448/files/06_APSTRACT_2016_01_WEB.pdf (accessed: 21.07.2019).

33. Wegren S.K. The Quest for Rural Sustainability in Russia: 7. Doi:10.3390/su8070602. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/8/7/602/pdf> (accessed: 22.07.2019).

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Домбровская В.Е. 2019. Роль географического фактора в проблематике бедности среди сельского населения на примере Белгородской, Вологодской и Тверской областей. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 46 (3): 391–407. DOI 10.18413/2411-3808-2019-46-3-391-407.

Dombrovskaia V.E. 2019. Role of the geographic factor of poverty problem among the rural population on the example of Belgorod, Vologda and Tver regions. Belgorod State University Scientific Bulletin. Economics. Information technologies. 46 (3): 391–407 (in Russian). DOI 10.18413/2411-3808-2019-46-3-391-407.